

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 1 июля 2023

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 1 de julio de 2023

No 3201

СОВЕТИЗМ НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ АГРЕССИИ

«Нам нужен мир!» – громко гласно заявляли в своё время советские лидеры, а злые языки добавляли: «И желательно весь». В этих двух фразах, в этой игре слов сошлась вся советская геополитика, и по форме, и по сути. С тех пор мало что изменилось, сегодняшняя политика Путина – калька с советской. На словах все за мир. Даже те, кто ратует за войну, объясняют это невозможностью добиться нужного мирными способами.

«Что касается других стран, то мы, памятуя о жертвах войны, хотим быть искренними друзьями мира; мирная жизнь должна залечить, наконец, те раны, которые причиняют нам страдания» – это из выступления Адольфа Гитлера перед Рейхстагом 21 марта 1933 года.

Самые злонамеренные агрессоры упражняются в миротворческой риторике. Кажется, нет больших друзей мира, чем политики, готовящие военную агрессию. С одной стороны, они создают себе в глазах общества положительный образ миротворца, с другой – убаюкивают будущего противника твёрдыми заверениями о своей приверженности миру.

«Мы делаем всё возможное, действительно всё возможное для того, чтобы решить эту проблему мирными средствами, терпеливо вели переговоры о мирном выходе из этого тяжелейшего конфликта» – это из выступления Владимира Путина перед Федеральным Собранием 21 февраля 2023 года. Речь идёт об Украине и, разумеется, о личных миротворческих усилиях диктатора. Война – это способ существования тоталитарных диктатур.

Навязчивая пропаганда иногда имеет успех. Мирным людям приятно слышать слова о мире, им хочется верить в лучшие намерения даже самых отвязанных злодеев, и они склонны свои пожелания выдавать за прогноз. Следствием та-кого благодушия обычно становятся сокрушительные военные поражения в первые дни войны, шок от происходящего, панические поиски выхода.

Между тем при трезвом взгляде на происходящее совсем не трудно распознать подлинные за-мыслы волка, напавшего на себя овечью шкуру. Для этого надо только осознать единство внутренней и внешней политики, понять,

что одно является неизбежным продолжением другого.

Свойственная любому деспотическому режиму агрессивность проявляется в виде политических репрессий внутри страны и при наличии даже самых слабых возможностей выливается в военную агрессию против других государств. Природа этих явлений одна и та же. Не замечая одно, мы тем самым поощряем другое.

Понять, что Путин готовится к войнам, можно было уже в 2012 году, когда началось ужесточение законодательства, направленное на ограничение гражданских свобод.

Для многих в мире это тогда казалось внутренним делом РФ, но сегодня мы видим, к чему привела отстранённость мирового сообщества от этих проблем. Не зря же ведь во многих международных правовых документах присутствует тезис о том, что права человека не являются исключительно внутренним делом одной страны.

Дело, однако, не только в своевременном и правильном прогнозе, но и в трезвом осмыслении настоящего.

Ведущиеся сейчас на Западе поиски мирного выхода из войны Путина с Украиной совершенно бессмысленны. Война – это способ существования совковой диктатуры, одна из её основных составляющих.

Мирное соглашение при сохранении всех политических структур в РФ может дать только временное и очень ненадежное перемирие. На некоторое время агрессивность диктатуры переключится на "внутреннего врага", политические репрессии ещё больше усилятся, но в конце концов Молоху диктатуры перестанет хватать "своих" и он вернётся к пожиранию "чужих". Решение проблемы находится на труднодоступном кончике иглы кощева сердца, а не на дипломатических просторах и попытках договориться с нео-сталинистским режимом о мирном сосуществовании. Игла эта, несущая смерть совковой диктатуре, – гражданское общество, способное оказать достойное сопротивление диктатуре и учредить в России политическую систему, основанную на её исторической царской преемственности.

То есть на правовом порядке. Наибольшие усилия должны быть направлены именно в эту сторону.

Н. Греков

НАРОДНОСТЬ И РОДОВИТОСТЬ

Личные качества и самая личность не значат преувеличенно много не только для человека народного, но и для человека родовитого. Первый живёт, старается жить «как все», коллективной народной личностью, и самое страшное для него «быть не как все» здесь и сейчас, то есть стать изгоем, изгнанником из эллиты окружающих его современников.

Второй живет, старается жить как все представители его рода, родовой коллективной личностью, и самое страшное для него стать из рода изгоем, изгнанником из эллиты, растянутой, впрочем, не столько в пространстве современности, сколько во времени.

Как нетрудно заметить внимательному читателю этих строк разница между народностью и родовитостью души это разница между ограниченной современностью (Иваны, не помнящие родства) и временем-вечностью.

Культурный человек устремлен обыкновенно и в прошлое и в будущее, видит себя как промежуточное звено между своими предками и потомками, а малокультурный живет только собой, своим временем и современниками. Культурный человек не обязательно имеет выдающихся предков и потомков, но всегда скептически относится к миру вокруг, миру своей современности, миру времени и миру временному.

Все разнообразие аспекты коммунистической идеологии можно свести к одной антиномии: родовитые суть зло, а безродные – добро. Она и была воплощена в знаменитых законах о лишенцах 1920-х годов, имплицитно действующих и в наше время. Попробуйте попасть в крупный бизнес РФ без стопроцентного рабоче-крестьянского происхождения и соответствующих ему палео-антропных морд и манер, или в серьезную политику без стопроцентного рабоче-крестьянского происхождения и соответствующих ему палеоантропных морд и манер Володина, Лаврова или Шойгу.

А ведь в Европе существ с таким прошлым и такой наружностью элементарно не пускают на ТВ чтобы не пугать детей. А у нас целая Дума, АП и министерства, не говоря уж про Генеральный Штаб, спецслужбы и бизнес, состоят на 100% из пугал самых вульгарных и отвратительных манер, самой предосудительной наружности. Про президента Утконоса-Моль и не говорю, он над политикой как основатель Новосветии – вечноживой мавзолейного хранения бог.

Ну, во всяком случае, победил католик Байден, утверждающий, что внимательно смотрел Путина в глаза и не нашёл в них души. Я тоже думаю, что богосотворенной человеческой души у вечноживой мавзолейного хранения бога и питерских подворотен, душа

кэгэбэшника, душа новосоветского круглоголового ворюги-ничтожества, а так же душа потомка обезьяны, т.е. душа смертная и животная. И обращения он заслуживает как вороватая и прячущая страх разоблачения за бравадой и гонором словесная советская обезьяна. Путин мелок, смешон и угодлив, как и все его избиратели. Хотя он, конечно смыслённое и способное к обучению животное – но это и всё.

Десятого ноября 1982 года глубочайший траур чёрным облаком горя лег на Советскую Страну, а у нас в семье царили неподдельные радость и веселье. С утра отец рассказал нам, что отошёл ко диаволу от запора в туалете Ильич №2, орденносец и суперзвезда советского ТВ Леонид Брежнев.

Мы с восторгом и замиранием сердца ждали перемен, ведь нам тогда казалось, что он вечен и его бытие на земле добрые советские люди будут поддерживаться вечно.

Перемены пришли лишь спустя девять лет, но лишь затем, чтобы спустя еще девять воцарился новый вечноживой вожь (пост) советского народа, икона стабильности и застоя, крысёныш из питерских подворотен, боровшийся с инакомыслящими в Москве начала 1980-х годов, то есть со мною и моими родителями, нашими друзьями и близкими.

История описала круг, но мы ждем, всё ещё ждем, когда они вымрут все, вместе со своими избирателями, мыслями и надеждами, своими представлениями о прекрасном и священном, своей антропологией и культурой. Освободите от своего предосудительного бытия нашу страну. Изыдите с нашей земли, черти, все, как четыре десятилетия назад изошёл с нашей земли ваш дорогой Леонид Ильич Брежнев.

После всего, что вы наворотили и что наворотили ваши деды и отцы, вам нечего, совершенно нечего делать на этом свете, и каждая секунда вашего ничем не оправданного бытия оскорбляет человеческое эстетическое, нравственное и религиозное чувство.

Собственно говоря, некогда коммунизм, а ныне путинизм и не есть идеология, а есть биология. Вернее, словесное обрамление биологической картины социума, своеобразная социальная антропология. А поэтому подлые по своей генеалогии страты общества нельзя победить культурой и аргументами. Только войной, которая по Гераклиту есть «отец вещей», только в схватке, в которой проливается кровь и убивается плоть.

Кровь Новомучеников, господская кровь культурных сословий Исторической России вопиет к небу. И 1917 год не будет преодолён до тех пор, пока недалекие, наглые и вороватые потомки их мучителей и палачей не получат воздаяние свое.

А. Григорьев

ПРАЗДНИКИ МП

Из официального Православного Календаря Московской Патриархии, изданного по благословению митрополита Сергия Страгородского в 1928-ом году следует, что уже тогда МП церковно праздновала память Вождя Пролетариата Владимира Ильича Ленина (в Неделю 32-ю по Пятидесятнице), Низвержение Самодержавия (в Седмицу 3-ю Великого Поста), Память Парижской Коммуны (тогда же), День Интернационала, День Пролетарской Революции и т. д.

Такого обилия новых церковных праздников не было, кажется, и у обновленцев. (Внимание! Дальше уже наш собственный юмор) Интересно, выносили ли они в храмы образы Ленина в день его памяти? И в каких облачениях они служили в день Памяти Парижской Коммуны, День Пролетарской Революции и День Интернационала? Целовали ли в эти дни в храмах прилюдно серп и молот? Воздвигали ли его на подобающее место? Перемежали ли псалмы и кафизмы пением Интернационала?

Ослаблялся ли в эти праздничные дни, если они приходились на пост, общий постный устав? Понятно, что в масштабах всей страны этого быть не могло. Но вот в Москве, в патриарших храмах, для которых в первую очередь предназначался официальный Церковный Календарь?

Удивительно твёрдыми подвижниками и ревнителями были великие отцы-основатели МП...

В Календаре послевоенной редакции пропал Праздник Парижской Коммуны, но добавился 8 марта, Международный День Женщины и 9 мая, День Сталинской Победы.

А. Рейнке

КРОЛИКИ ПЕРЕД УДАВОМ

Смотря на управленческую элиту РФ, это какие-то кролики перед удавом: люди просто парализованы, они механически исполняют свои функции. Они как команда подлодки, которая пошла на погружение.

У них нет никакой степени свободы, они могут принимать решения лишь в пределах очень узкого круга и поставленных перед ними конкретных задач, а не оценивать ситуацию в более общем плане.

И это только отчасти можно объяснить страхом перед Путиным, хотя основания бояться есть. В прошлом году все видели жуткие расправы над управленцами по разным причинам, они не расследовались, по крайней мере публично: ничего об этом не известно. Очевидно, что это были в том числе сигналы этим управленческим элитам.

Но сие объясняется и тем, что на протяжении 20 лет шла деградация номенклатурных элит. Шёл отбор, в системе оставались люди, готовые выполнять приказания, не задумываясь о смысле того, что они делают, и соответствии этого представлений о морали. То есть те, кто сегодня составляет костяк номенклатурной бюрократической системы, — это люди, которые уже давно сделали для себя выбор, а дальше просто двигались по наклонной плоскости. В этом смысле 24 февраля не было для них каким-то Рубиконом.

Д. Карамышев

О ЛЮБВИ - В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРФОГРАФИИ

Книга Ивана Есаулова «О любви. Радикальные интерпретации» — первое за 100 лет в России исследование по филологии, изданное полностью в дореволюционной орфографии. Автор подвергает спокойной, аргументированной, но и разрушительной критике прежние подходы к классическим и новым произведениям — от «Бедной Лизы» Карамзина до поэзии Осипа Мандельштама. Профессор указывает на аспекты, которые доселе, возможно, намеренно ускользали от внимания как советских и постсоветских исследователей, так и современных западных русистов.

— Иван Андреевич, прежде всего естественный вопрос о дореволюционной орфографии вашего исследования.

— Прежде всего уточним термин: это традиционная русская, досоветская орфография. В нашем языке происходили изменения административного порядка: унификация Петра I, планы, предлагавшиеся Царю Николаю II. Но удобство, доступность для обучения, узус — повседневное словоупотребление — это лукавые отговорки. Академик Лихачёв отмечал, что реформа посягнула на самое святое в алфавите: веру, вечность... В конце концов, можно было бы говорить и об удобстве, но новое написание было введено именно во время всеобщего погрома русской культуры. Это было подготовкой к следующему шагу — переходу на латиницу. Шаг этот не был сделан из-за того, что захлебнулась мировая революция. Поэтому восстановление прежнего написания — шаг в сторону восстановления русской культуры как таковой, осознания её особой ценности.

— И все же как быть с доступностью, пониманием, даже, может быть, с привлекательностью текста? Вы не боитесь отпугнуть читателя?

— Существует опыт восприятия подобных текстов. В. Н. Захаров вот уже много лет издаёт в Петрозаводском Университете каноническое собрание сочинений Достоевского — то есть именно на языке Достоевского. Эта работа — обратный перевод с, выражаясь словами Бунина, «советского кривописания» на литературный русский язык. Мой сын Андрей, будучи еще школьником, говорил, что первые несколько минут чтения происходит словно настройка восприятия и чувствуется некоторое неудобство, но зато затем чтение идет с удовольствием. Читается легче потому, что та орфография более сродственна русской душе, имеет другое пространственное измерение. Что

же до читателя, то мне незачем за ним гоняться. Мои книги, будучи затеряны по не самым центральным книжным магазинам, выходили — для филологических изданий — довольно приличными тиражами и тем не менее все раскуплены. Отпугнуть никого не боюсь.

— Вы трактуете повесть Пушкина «Станционный смотритель» в ключе притчи о блудном сыне, причем в её истинном, а не лютеранско-кальвинистском понимании. Об изображениях на стене комнаты, описанных Пушкиным, вы говорите: «Эти «картинки» нельзя толковать как своего рода «подобие» самой притчи. Что означает это постоянное акцентирование немецкого колорита — и в картинках, где отец, «въ колпаке и шлафроке», весьма напоминает почтенного немецкого бюргера, а сынъ «въ треугольной шляпе», что никакъ не вяжется съ евангельскими временами, и въ надписяхъ подъ ними: «...прочёлъ я приличные немецкіе стихи?»». Какова бы ни была любовь Минского к Дуне, не представляется ли вам поведение девушки до и во время побега с офицером несколько предосудительным, как и поведение собственно блудного сына?

— Мы говорим о моей интерпретации. Вы хотите, чтобы она была стандартной? Она радикальная. Книга-то мирная, но заголовок её грозный... Упор сделан на мою собственную работу с текстом. Пушкин не является моралистом, никого не осуждает, а, как и в других «Повестях Белкина», утверждает, что возможно чудо любви. Минский желал только лишь соблазнить красавицу, и социологически, по видимому, 99 девушек из 100 в такой ситуации затем «погибали», чего опасается и отец Дуни. Но Пушкин доказывает, что и в прозаическом мире возможно чудо. Скажем, чудо любви. Ошибка Минского в том, что он в своем рациональном расчёте соблазнения не смог «просчитать», что полюбит Дуню по-настоящему. Ошибка Вырина, отца, в том, что он недооценил чувств Дуни, что фактически воспротивился счастью дочери, которое она обрела, заплатив за него бегством, разлукой с отцом, но заслужила больше, чем если бы осталась влачить «добродетельное» существование.

— В главе «Это было имя прекрасной полячки. Любовь Андрия и героика «Тараса Бульбы» Гоголя» вы говорите: «Ведь и полячка, обращаясь въ своей мольбе къ «Святой Божьей Матери», принимаетъ Андрия — какъ любимаго — лишь после его вполне «героическаго» монолога, въ которомъ возлюбленная фигурируетъ какъ разъ въ общемъ контексте съ отчизной — и даже какъ отчизна. Причемъ «кинулась... къ нему на шею» панночка тоже отнюдь не какъ прозаическій персонажъ, добившийся своей прагматической «цели» — измены Андрия. Напротивъ, подчеркивается прямо противоположное душевное движение». Представляется, что здесь вы немного не договариваете. В чём же эта необоримая, всепоглощающая сила любви, которая заставляет Андрия перейти на другую сторону, точнее, превратить ту сторону — в свою? Только ли

в биологическом инстинкте, в очаровании очевидной и безупречной красотой, какой наделена дочь польского воеводы?

— Я-то как раз договариваю то, что не говорят гоголеведы. Вот вы — за ахейцев или за троянцев?

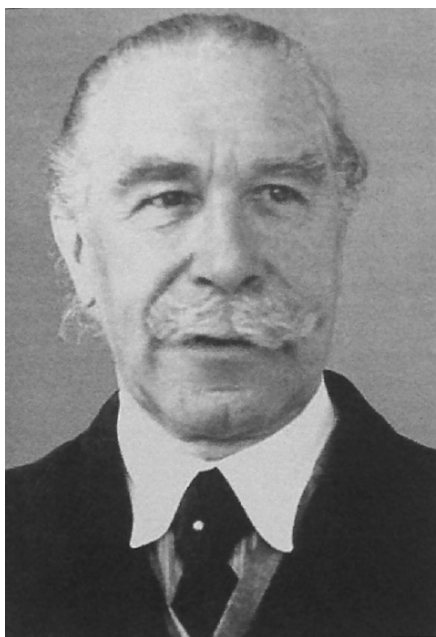
— Честно сказать, за троянцев. Жили люди в своем городе, ну, умыкнул царевич эту Елену, так всем скопом — и даже Ахилла уговорили — ничего с ними лет десять сделать не могли. Но понимаю, что «Илиада» не об этом.

— Верно, не совсем об этом. Автор «Илиады» воспеваает героизм и тех, и других, любит, ставит в пример их благородство и доблесть. Эти события не современны для Гомера, они отдалены от него тем, что называется «эпической дистанцией». Гоголь тоже отдалён от событий, которые описывает, и тоже ставит в пример доблесть и ляхов, и казаков. Этически Гоголь на стороне казаков, а эстетически — любит и теми, и другими. В бездействии «пропадает даром козацкая сила...». Кто достойный противник для казаков? Ляхи, «льщари». Здесь никто не трус, никто не уклоняется от боя. С этической стороны, Андрия — изменник. Но этот же самый Андрия — «несокрушимый козак» даже после того, как остался с полячкой. Как герой эпоса он избирает собственную сторону сам. И выбирает сторону любви. Фактически сражается против отца за любовь невесты. Фатум. Героический мир расколот надвое — у Гомера даже боги разделились. Это не биологический инстинкт, это высокий эрос, подобный античному, то, что Мандельштам усмотрел у Гомера. И такой трагический накал ничем, кроме гибели, в мире, расколотом надвое, для Андрия кончиться не может.

— По тону, а порой и по словам — например, о критическом реализме, — вашего «исследования», видно, что вы считаете советское литературоведение несколько произвольным и неполным. Но не представляется ли вам, что мы обеднели бы, имея только работы авторов русского зарубежья, хоть и несомненно важные?

— Не стоит представлять так, будто я totally отвергаю все, что было сделано в советскую эпоху. Веселовский был номером один в мировом литературоведении, а позже мирового уровня достиг Бахтин. Как бы я ни относился к формальной школе, это высочайший уровень. Можно вспомнить и менее известные имена — наших провинциальных учёных. Это подвижники. Но беда, как и с реформой орфографии, в том, что эта работа оказалась вмонтированной в направляемый советским государством процесс, базировавшийся на отталкивании от всего, что было связано с Царской Россией. Многим приходилось идти на невероятные ухищрения, чтобы высказать что-то относительно правдивое. Бахтин горевал в позднейших разговорах: «Что можно сделать под этим несвободным небом?» Они были отрезаны от возможности полноценно высказываться о «главных вопросах». Эмигранты были оторваны от Родины физически, оставшиеся в СССР — от исторической России идеологически, и в обоих случаях насильственно. Когда-то же нужно возвращаться на собственную культурную почву, не так ли?

БОРЬБА БЕССТРАШНОГО РЫЦАРЯ ПРОТИВ КРАСНОГО ТЕРРОРА В ИСПАНИИ

Консул Норвегии в красном Мадриде Феликс Шляйер

Норвежский консул в Мадриде Феликс Шляйер во время Красного Террора в Испании 1930-х годов бросил вызов властям и спас от расправы многих людей.

Ноябрьским утром 1936 года у дворца Буэнависта, что на мадридской площади Сибелес, остановился дипломатический "Мерседес". Из него вышел пожилой иностранец внушительной наружности – элегантно одетый, высокий, с пышными усами. Ополченцы-милитарианцы, – красное зверье – охранявшие вход во дворец, где располагалось военное ведомство, не осмелились остановить важного посетителя, который на испанском, но с сильным немецким акцентом, бросил им на ходу, что идет к самому генералу Хосе Миаха.

Генерал, назначенный лишь несколько дней назад, после бегства из столицы правительства Народного Фронта, председателем Хунты Обороны Мадрида, немедленно принял посетителя. Ну, а тот без особых дипломатических церемоний прямо с порога накинулся на военного: "Что творится в Мадриде! Я требую немедленно прекратить кровавый произвол! В противном случае буду вынужден рекомендовать европейским странам принять против вас лично и Народного Фронта все необходимые меры!"

Миаха прямо-таки опешил от неожиданности и едва сдержался от грубого ответа ти-па: "Не суйся не в свои дела"... Сдержался, поскольку знал, что имеет дело с самим Феликсом Шляйером, человеком известным, прекрасно информированным, и, главное, весьма влиятельным в дипломатическом корпусе. И это при том, что дипломат, осмелившийся угрожать ему – одному из самых авторитетных генералов Народного Фронта, – был всего лишь консулом и даже не Америки, Британии или Франции, а Норвегии. Вдобавок немцем по национальности, которого подрядили, поскольку сами норвежцы не очень рвались в воюющую Испанию. Между тем, генерал Миаха понимал и то, что для возмущения у незваного гостя был веский повод. Знал он, что неоправданные убийства, террор в оставленном ему на попечение Мадриде, никогда не найдут понимания ни в Европе, ни в Америке.

Что же конкретно побудило Шляйера устроить разнос красному генералу, явно выходящий за рамки

его полномочий в Испании? А то, что дипломат был потрясен происходящим в испанской столице.

Шестого ноября 1936 года Национальные Силы воюющего с Народным Фронтом генерала Франко, вплотную подошли к Мадриду. Правительство социалиста Франсиско Ларго Кабальеро, боясь, что город мог в считанные дни попасть в руки франкистов, приняло решение перебраться в Валенсию. И одновременно оно решило защищать Мадрид любой ценой.

Три последующих года, во время которых Народный Фронт контролировал столицу, послужили ему для преднамеренного и организованного уничтожения заподозренного в нелояльности гражданского населения. В массовых убийствах без суда и следствия участвовали коммунисты, которые со временем стали ведущей силой в Народном Фронте, социалисты, синдикалисты, и так далее. Всего в Мадриде ими было уничтожено более 25 тысяч человек, хотя точной цифры никто не знает.

Некоторые исследователи утверждают, что террор являлся следствием стихийно проявляемого народного гнева, накопленного за сотни лет угнетения со стороны правящих классов. Это неверно. Люди становились жертвами заранее разработанного деятелями Народного Фронта плана по уничтожению потенциальных политических противников.

Расстрелы производились в таких мадридских пригородах, как Аравака, Торрехон и особенно Паракуэльос-де-Харама. В последнем, рядом с территорией аэропорта Баракас, произошло наиболее массовое убийство за все время войны. Осенью 1936-го года здесь погибли тысячи людей – жертвы революционеров, которые правили красным Мадридом в годы гражданской войны.

Был и ещё один фактор, которым историки объясняют поведение Шляйера. Как и Рауль Валленберг, он не был карьерным дипломатом и, возможно, поэтому не обладал навыком относиться к происходящему, как говорится, "дипломатично", а проще – осторожно, терпимо, без эмоций и даже безразлично. Шляйер был инженером, изобретателем, бизнесменом, человеком высокой культуры – знатоком и коллекционером живописи, меценатом. В частности, до войны он спонсировал работу немецкого колледжа в Мадриде, различных художественных выставок и других мероприятий культурного характера. Кроме того, он был человеком отзывчивым и эмоциональным, воспринимавшим чужие беды как свои. Много тратил на благотворительность, помогал неимущим соотечественникам в Испании и испанцам. В этой стране Шляйер работал с молодых лет, был женат на испанке, прекрасно знал Испанию. Массовые убийства ни в чём неповинных людей, свидетелем которых он стал, вызвали в нем бурное негодование.

Позднее Шляйер в своей книге под названием "Дипломат в красном Мадриде" описал события осени 36 года с присущей ему эмоциональностью. И особенно то, что увидел, побывав на месте казни в Паракуэльос де Харама. "У одного из

милитарианцев, участников расправы, я выяснил, что к месту казни людей доставляли двухэтажными городскими автобусами. Выводили по 10 человек связанными по двое. Отбирали верхнюю одежду, обувь, портсигары, бумажники... Ставили у глубокой траншеи и расстреливали из пулемета. Затем часть милитарианцев, многие из которых принадлежали к уголовной среде, уходила за новой партией жертв, а остальные скидывали в траншею и засыпали слоем земли расстрелянных, порой ещё живых людей... Побывав на месте трагедии, я убедился, что длина рва составляла не менее 300 метров. Таким образом в нём могло находиться от 500 до 600 трупов. Тела некоторых жертв частично виднелись во рву, поскольку были едва присыпаны землей. Речь не шла о приговоренных к смерти более или менее легальным путем. Они стали жертвами произвола со стороны лиц, не облеченных какой-либо юридической властью. Расстреливали даже по анонимным доносам. Хватали демократов, республиканцев, либералов, центристов и консерваторов, а также людей, безразличных к политике, – за их социальную принадлежность, за непролетарскую форму зарабатывать себе на жизнь. Люди, не нарушившие никакие законы, оканчивали свой жизненный путь на краю расстрельного рва. Причём с каждым днём уничтожалось все больше людей: подлинная большевицкая оргия грабежей и убийств!"

Почему большевицкая? Да потому что ни для кого, в том числе и для Шляйера, не было секретом, что за массовыми расстрелами стояли сталинские советники Народного Фронта, направленные в Испанию в начале гражданской войны. Именно они рекомендовали как можно скорее уничтожить предполагаемых мадридских "врагов народа" и даже подсказали эффективный метод массового уничтожения на краю заранее вырытых глубоких траншей.

В истории с Паракуэльосом роль советских советников была решающей. Советские эмиссары упорно настаивали на необходимости расстрелять всех потенциальных противников Народного Фронта, чтобы не допустить их перехода в стан франкистов. Они же научили испанцев методике массового уничтожения людей. Эта методика в свое время уже применялась в России – во времена Гражданской войны. То есть расстрел у заранее вырытого гигантского рва с тем, чтобы тела погибших затем сбросить в этот ров. Ни до, ни после этого в Испании так людей не уничтожали. Присутствие сотрудников НКВД в стране наблюдалось с июля 1936 года.

Между тем Шляйер не опускал руки и пытался противостоять красному террору. До и после упомянутого визита к генералу Миаха, который, по свидетельству дипломата, заявил ему, что знает ничего не знает о творимых в столице злодеяниях, консул неоднократно посещал мадридские тюрьмы – Модело, Сан-Антон и Порлиер – в сопровождении представителя Международного Красного Креста швейцарца Джорджа Хенни. Посещал Шляйер

и так называемые "Чекас". Эти карательные органы, названные в честь советского ЧК, имелись в каждом мадридском квартале. Они занимались арестами, пытками и уничтожением без суда и следствия предполагаемых врагов Народного Фронта. Часто самосуды производились прямо на улице, в парках или на шоссе вблизи столицы.

Кроме того, дипломат выяснил, что каждую ночь из тюрем и отделений "Чекас", под предлогом перевода в места заключения в тыловой Валенсии вывозились на автобусах сотни арестованных. Их поездка длилась недолго: маршрут заканчивался в Паракуэльосе. Не смог ничего добиться норвежский консул и от деятельницы Компартии Долорес Ибаррури. Она тоже якобы ничего не знала об убийствах, но при этом "Пасионария" уверенно заявила, как вспоминал Шляйер, что "для достижения мира в стране необходимо, чтобы одна половина Испании, а именно та, что представлена Народным Фронтом, физически уничтожила другую половину – франкистскую".

Ничего якобы не знал о массовых расстрелах и заместитель Миаха по вопросам безопасности Сантьяго Каррильо, будущий генсек компартии. Он даже гарантировал Шляйеру, что арестованный накануне испанский адвокат норвежского консульства Рикардо де ла Сьерва жив-здоров и скоро обретёт свободу. И это при том, что к моменту разговора Шляйера с Каррильо адвоката уже не было в живых. Его уничтожили как сына бывшего "реакционного" министра. Между тем Каррильо обещал дипломату, что всё выяснит и, если нарушение законности действительно имеет место, то оно будет пресечено. Вот что пишет в своих воспоминаниях об этой встрече Феликс Шляйер.

"Каррильо утверждал, что понятия не имел о творимых злодеяниях, что показалось мне откровенной ложью. Несмотря на его обещание разобраться, в последующие дни расстрелы продолжались. Людей по-прежнему вывозили из тюрем и убивали. Таким образом, ни Миаха, ни Каррильо ничего не сделали, чтобы прекратить террор. Кроме того, они по-прежнему утверждали, что не смогли ничего выяснить о расстрелах, о которых мы им сообщали".

Разумеется, не говорилось о том, что речь шла об организованном и систематическом уничтожении по сталинским стандартам в основном представителей мадридской интеллигенции: писателей, университетской профессуры и школьных учителей, журналистов, юристов, священников, аристократов, предпринимателей и так далее.

Среди расстрелянных "матерых фашистских убийц и заговорщиков" оказалось и 270 детей. Их уничтожили вместе с родителями. Каррильо продолжал лгать спустя много лет. Ну а Шляйер, убедившись, что не в состоянии остановить творившийся произвол, попытался обратиться к мировой общественности.

Феликс Шляйер не только обнаружил и разоблачил, но и поведал миру об убийствах в Мадриде. В первую очередь, он сообщил о них руководителям

других дипломатических миссий, к примеру, послу Аргентины Эдгарду Пересу. Последний также отправился к месту массовых казней, обнаружил рвы с телами убитых и убедился, что расстрелы действительно имели место. Об этом он составил подробный доклад, который и отправил в Аргентину.

А поверенный в делах посольства Великобритании попросил у него копию этого документа и отправил её в Форин Офис. В Лондоне, где многие сочувствовали Народному Фронту, он произвёл эффект разорвавшейся бомбы.

Помимо аргентинского дипломата, Шляйер убедил заняться спасением мадридцев и других коллег. Особо стали помогать ему послы Чили, Кубы и Чехословакии. Между тем, немец составил собственный доклад о трагедии в Мадриде. Он содержал обширную информацию, основанную на увиденном, на беседах с руководителями Народного Фронта и на свидетельских показаниях участников расправ.

К тому же Шляйеру удалось составить поименный список расстрелянных, хотя и не полный.

Доклад предназначался для Лиги Наций, а доставить его в Женевскую штаб-квартиру этой организации должен был представитель Красного Креста Джордж Хенни. Однако, до Женевы самолет Хенни не долетел – был сбит истребителями, предоставленными СССР Народному Фронту вместе с лётчиками. Историки считают, что происшествие не было случайным – за Хенни и перевозимыми им документами велась охота. Народный Фронт не был заинтересован в том, чтобы они попали в Лигу Наций.

Представитель Международного Красного Креста Хенни вылетел 8 декабря из аэропорта Барахас на самолете Потэ, обслуживающем французское посольство. Он вёз всю документацию, касающуюся убийств, – только хорошо проверенные сведения. Сначала к его самолету приблизился советский истребитель с опознавательными знаками Народного Фронта. Ничего не подозревавший пилот французского самолета продолжал полёт. Но вдруг появился ещё один истребитель и в упор расстрелял Потэ. Несмотря на это, самолету удалось приземлиться в провинции Гуадалахара. Правда, при этом он перевернулся. Из пассажиров сразу никто не погиб, хотя через несколько дней от полученных ран скончался один из них – корреспондент Paris-Soir Луи Делапрэ. Правительство Народного Фронта, как и в случае

с расстрелами в Мадриде, скрыло факт своего участия в этом деянии. Оно обвинило в нападении франкистскую авиацию.

Таким образом, речь шла, в первых, о попытке уничтожить Хенни и его документы, а затем скрыть это преступление. Надо сказать, что затея частично удалась. Хенни оказался надолго в госпитале, а его портфель с документами, собранными консулом Шляйером, исчез. Тем не менее, правда о преступлениях в Мадриде со временем стала известна в мире.

Впрочем, главным в деятельности Шляйера в годы войны было всё же не его разоблачение Народного Фронта, а спасение людей. В 1936 году посольство Норвегии на улице Хосе Абаскаль в районе Чамбери, а также снятое на личные средства консула большое соседнее здание, на которое он вывесил норвежский флаг, стали убежищем для почти тысячи жителей Мадрида, в том числе 120 детей. Любопытная деталь: чтобы снабжать детей молоком, консул приобрёл несколько коров и содержал их в посольском гараже.

За продуктами еженедельно отправлялись в ближайшие деревни два грузовика посольства. И тоже с риском для жизни. Один из сотрудников дипломатического представительства, ведавший снабжением, был схвачен милисьянос и казнён.

С участием врачей, монахинь и священников, которые укрывались в посольстве, Шляйер создал медицинский пункт и, как теперь говорят, группу психологической поддержки. Ведь обстановка среди постояльцев Шляйера была непростая. Здесь было много пожилых и больных, люди не могли месяцами выходить на улицу или даже подойти к окнам – посольство постоянно было окружено милисьянос, которые время от времени стреляли по окнам и норовили прорваться в здание, чтобы расправиться с его обитателями. Многие из тех, кого укрывал Шляйер, страдали нервными расстройствами, поскольку сами едва избежали гибели, потеряли близких или не знали об их судьбе. Консул делал для людей всё что мог, но тем не менее продуктов и особенно лекарств постоянно не хватало.

К сожалению, испанские кинематографисты до сих пор не обратили внимания на фигуру Шляйера, ведь о нём можно было создать прекрасный сериал.

Несмотря на то, что как дипломат он пользовался иммунитетом, риск был огромным. Ему приходилось добывать питание для всех этих людей, которые жили в посольстве целый год, пока их не удалось вывести из города. Он старался спасти как можно больше жителей Мадрида от репрессий, людей, которых убивали даже за посещение церкви, за католическую веру или просто за то, что они были одеты в костюм, а не в рабочую робу, и носили галстук.

Несмотря на острые проблемы, в посольстве жизнь шла своим чередом – здесь справлялись свадьбы, рождались дети. Между тем, Шляйер продолжал почти ежедневно посещать тюрьмы. В первых, чтобы препятствовать расстрелам, а во-вторых, чтобы как-то облегчить жизнь заключённых, особенно женщин. Он лично на

посольской машине сопровождал автобусы с арестованными при их транспортировке, наблюдая, чтобы они не были казнены по дороге, как это не раз бывало. В женскую тюрьму он привозил продукты. Консулу удалось добиться освобождения десятков арестованных и добыть для них документы для выезда из Испании. А когда милисьянос разгромили посольство Германии, он смог вывести скрывавшихся там людей и укрыть в посольстве Норвегии.

Грустно, что деяния этого героя никем по достоинству не оценены.

Он общался с многими руководителями Народного Фронта. Добивался у них приёма, звонил, настаивал, делал всё возможное.

Так что этот человек с большой буквы достоин уважения. Он был большим и физически – высокого роста, атлетического телосложения и огромной энергии, хотя ему в те времена было около 70. Своей смелостью, самопожертвованием, человеколюбием, своими деяниями он нисколько не уступает Оскару Шиндлеру и другим людям, признанным праведниками.

К июлю 1937 года Шляйер вконец разругался с властями Народного Фронта. Его лишили консульской экзекватуры и даже попытались арестовать по обвинению в шпионаже. Дипломат сначала выехал в Германию, но уже к зиме того же года возвратился в Испанию. Поселился в Сан Себастьяне, находившемся под контролем франкистов, откуда пытался, через свои связи в Мадриде, помочь в эвакуации своих подопечных испанцев. Кроме того, он испросил аудиенцию у Франко и уговорил его предпринять обмен пленными с Народным Фронтом. Затем посредничал при этом обмене.

После войны Шляйер возвратился в Мадрид и продолжил заниматься предпринимательской деятельностью. Он написал две книги – первую, уже упомянутую, «Дипломат в красном Мадриде», Шляйер опубликовал ещё в конце 30-х годов. Вторая работа – автобиография вышла в свет лишь в 2006 году. Это посмертное издание. Книга называется «Шваб в Испании».

Умер Феликс Шляйер в 1950 году. Похоронен на небольшом так называемом Гражданском кладбище испанской столицы. По иронии судьбы его могила находится недалеко от захоронения Долорес Ибаррури, премьеры Народно-го Фронта, с которыми он в своё время отчаянно боролся.

Любопытно, что в последние десятилетия некоторые испанские исследователи левой ориентации попытались «раскрутить» тезис Сантьяго Каррильо о том, что Шляйер вовсе не был гуманистом, а спасал исключительно за деньги фашистских преступников, врагов свободы. И одновременно, по заданию нацистской Германии всеми силами досаждал Народному Фронту. Однако изыскания оказались напрасными – никаких доказательств бизнеса Феликса Шляйера на спасении людей, ни его связей с нацистами, ни шпионской деятельности в пользу франкистов, обнаружено не было – ни в Испании, ни в Германии.

ТРУП ЗАКОНА

Будучи компилятивным юридическим сборником и заимствуя классические положения римского права, Кодекс Наполеона, тем не менее, напитанный идеями "просветителей" и Французской Революции, явился первой в Европе фундаментальной попыткой провести последовательное отчуждение закона от личности.

Со времён сего Кодекса можно говорить о том, что живой закон, не отчужденный от личности законодателя, умер и ему на смену пришел его кодифицированный труп.

Аристократическая форма правления, которую упразднила Французская Революция, видела в писанных законах техническую подоплеку ведения правового процесса, однако ни в коей мере не нечто, что стоит над судьей и абсолютно довлеет над ним. Монарх (и его представители на местах) выше закона, они и есть живой закон, закон не отчужден от них. Живые носители права, в отличие от современных судей, в ходе вынесения решений могли учитывать тысячи обстоятельств, которые кодифицировать невозможно. Современный судья, напротив, бессилён.

По сути он является не судьей, а толкователем оторванных от реальной жизни рационалистических концепций, которые почти никогда к конкретной ситуации последовательно и точно применить нельзя.

Именно с Кодекса Наполеона возникло расхождение между понятиями Закон и Справедливость, начал все больше углубляться водораздел между ними. Люди почувствовали сухость и мертвенность нового Закона, его тщету, оторванность от жизни, неумолимость, механистичность и нравственную пустоту.

Кодекс Наполеона закрепил "завоевания" Французской Революции, ввёл в юридическое поле противоречащую принципам функционирования любого социального организма концепцию равенства всех членов социума, стал юридической колыбелью Нового Мирового Порядка. С момента его принятия можно отсчитывать новую эпоху, когда личностный, адресный и патерналистский принцип отправления правосудия, положенный в основу христианского права, уходит в прошлое и ему на смену приходит предельно обезличенный, безадресный, секулярный и общий для всех закон.

Концепция о справедливости подменяет самую справедливость, писанное слово - живого носителя слова, человека. Ответственного и мудрого отца семейства, главу рода, старейшину местности, землевладельца, исполнявших первичные судебские функции, окончательно подменяет их засохший, виртуальный и обобщенный муляж.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что "Кодекс Наполеона" или "Гражданский кодекс французов" далеко не сразу стал ориентиром для всей Европы, продолжавшей жить по Кодексу святого императора Юстиниана и в согласии с местными традициями вплоть до начала XX века. И только дальнейший процесс секуляризации окончательно поверг христианское право, основанное на принципе неотчуждаемости личности от закона, в прах.

НАРОД ИЛИ ЗОМБИ?

Когда слышу слово «народ», правая рука сама осеняет меня крестным знаменем.

Недавно я понял почему.

«Народ» это такое тело без головы. В отличии от Царства, например. Без богопоставленной иерархии и её главы, Помазанника Божия, «народ» народников это коллективный зомби.

Страшно? Ничего. Навсякий вырвавшийся на свободу «народ-зомби найдётся свой святой крест. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.

А. Григорьев

Е. Фокин

А. Рейнеке